

ПОЛНОЧЬ НА УЛИЦЕ НОЖЕЙ

Автор: Энди Чамберс

Перевод: Даммерунг

Источник: *Midnight on the Street of Knives*, Andy Chambers, e-book

«Комторра — город, подобного которому нет во вселенной. Он существует вне времени и пространства, в непознаваемых глубинах Моря Душ, потому что он не в царстве за

пределами нашей реальности, которое, как уверяют всякие полуумные гении,

породило все, что нам известно.

Создатели Комторры, или, правильнее, архитекторы,

как они сами бы себя назвали, задумывали этот город не как нечто единое. Скорее,

каждый из них, используя способы, невообразимые для менее развитых существ,

создавал собственные скрытые

анклавы в Центральной, служившие
крепостями, святыни, дворцами наслаждений
или аренами в зависимости от
прихоти хозяев. Со
временем гордыня этих
«архитекторов» возросла настолько,
что они создали нечто,
пробившее стены между
реальностями. И когда все начало
рушиться, они сбежали в свои
анклавы, как крысы, прячущиеся по
норам. Со временем, испытывая все
больший страх
перед ужасным отприском, которого
они зачали все вместе, выжившие в
бүре
приложили все усилия, чтобы
объединить свои владения. Они так
погрязли в пытках и
убийствах, что выбора больше не
оставалось. Они должны были сделать
это, чтобы
коротиться друг другом и всеми

остальными, кого только могли
захватить.

Так рожден был вечный город».

— agent Залинис Хуо, Еретикус
Майорис.

На улице Ножей была полночь, когда
Кхарбир заметил свою цель,
движущуюся прямо
навстречу, на расстоянии чуть менее
шести торговых лавок от него. Улица
была темная

и извилистая, но практически
пустая, и тощая фигура слуги
Беллатониса выделялась,
будто в стоп-кадре, подсвеченная
резким светом горнов. Да, Кхарбиру
повезло, но он сам,

в первую очередь, правильно выбрал
место охоты, и поэтому чувствовал
себя крайне
самодовольно. Он оказался умнее
остальных, и именно ему достанется
обещанная

награда. Ожидая, он принял щепотку

агарина, постаковал очистительную
остроту в
ноздрях и насладился холодком,
пробежавшим по позвоночнику. О, это
будет весело.

Прошел слух, будто служа
Беллатониса в спешке покинул
Красный Дом с посылкой, и,
что самое важное, один. Когда
Кхарбир об этом услышал, то
прикинул, что приспешник
геминка решит срезать именно
здесь. Улица Ножей была довольно
безопасна на всем
своем протяжении, по крайней мере,
настолько безопасна, насколько это
вообще было
возможно в тёмном городе. Архонт
района Мемзух не терпела госадных
происшествий,
которые могли бы навредить рабочим
ее оружейников и ремесленников.

Дабы подчеркнуть, что она не
померпит подобных случаев на своей

территории, она

направила инкubов патрулировать
улицы Ножей, и одного их присутствия
было

достаточно, чтобы отпугнуть
большинство возмутителей

спокойствия. Возбуждение,

которое испытал Кхарбиr, увидев
добычу, заставило руку рефлекторно
метнуться к

клинику, однако пара трачных,
закованых в броню инкubов уже
пристало

разглядывала его, как будто они
могли чувствовать скрытые
намерения. Тела

по-настоящему безрассудных молодых
задир -- тех, кто не понимал намеков --
свисали на

цепях с зубчатых карнизов оружейных
лавок. Их оставили там, будто
приманку для

гелионов, чтобы ясно дать понять
остальным -- в этой части города

следует пристричь
свои инстинкты.

Сознательным усилием Кхарбир разжал пальцы на полированной костяной рукояти и спокойно повернулся, чтобы взглянуть на жутко изогнутые гидраножи, разложенные напоказ, а слуга тем временем пробежал туда. Естественно, в такой близи от дворца архонта все-таки происходили сражения, но только по делам такой важности, которая на несколько порядков превосходила нынешнюю.

Кхарбиру удалось впервые как следует рассмотреть слугу, когда тот оказался рядом: бледное, осунувшееся лицо, широко раскрытые красные глаза, густые брови, контрастировавшие с лысой головой, тяжелая челюсть и угрютое

выражение лица, с

которым, похоже, он ходил постоянно.

Вполне подходящий вид для приспешника

гемүнкүла, жившего в висекциями и допросами. Нахмуренное лицо выражало

беспокойство и что-то вроде ослиного упрямства выполнить свое задание.

Длинный полосатый плащ из темной шкуры свисал с узких плеч прислужника, столь же

изящный, как частично облезшая кожа. Оружия видно не было, но он так яростно

сжимал посылку, словно боялся, что она может в любой момент попытаться удрать.

Кроме того, он бессвязно бормотал и ужасно вонял эфиром и потрохами. Определенно,

незаметно следовать за ним не составит никаких проблем. Кхарбир позволил зловонному

глүпцү пройти чүтөчкү дальше, а
затем с невинным видом побрел
следом.

Ксагор еще теснее прижал к груди
завернутый в кожу сосуд, полный
шишковидных

желез. Семеня по улице, он пытался
соблюсти некий баланс, одновременно
торопясь и

стараясь не привлекать к себе
лишнего внимания. Маловероятно,
что кто-то здесь

попытается украсть посылку, но
хозяин едва ли будет счастлив, если
Ксагор хотя бы

упустит ее из виду, не говоря уже о
том, что потеряет. Те, кто вызывал
неудовольствие

хозяина, вскоре уже толили о смерти.
Ксагор это хорошо знал, так как сам

неоднократно
обслуживал их. В руках у настолько
опытного гемүнкүла смерть всегда
заставляла себя

ждать. Нем, нести сосуд и без того было плохо, но то, что он услышал, забирая его в

Красном Доме, делало все гораздо, гораздо хуже.

Мастер Беллатонис всегда был жаден до новостей. Он подробнейшим образом

проконструировал всех своих слуг о том, как важно доставлять ему каждый клочок

информации, догадок, толвы или сплетен, как только те коснутся их измененного слуха.

Хозяин зашел так далеко, что даже продемонстрировал изменения, которые претерпели

те слуги, что оказались слишком глупы или медлительны, чтобы выполнить это

простое, но первостепенное правило.

Да, мастер Беллатонис очень серьезно относился к новостям, и на долю Ксагора выпало

несчастье узнатъ такую вѣсть,
которая могла измѣнить все.
Размыканіе! Он крепче
стиснул горлышко сосуда,
представляя, как дышит Татсильера
за то, что том ему это
рассказал. Старухи предсказали, что
Размыканіе настѣнит до конца года.
Этот идиот
настолько возомнил о себѣ, что ему
не терпелось поделиться секретом и
показать, какая
он важная птица. От этого все
становилось еще хуже. Кто знает,
скольким еще он это
рассказал, когда известия доѣдут до
хозяина, или они уже дошли -- и он,
Ксагор, лучший
и самыи преданныи из всех
прислужников хозяина, вскоре начнет
выделять содержимое
из всех не предназначенных к этому
отверстий.
И вот теперь он бежал вниз по улице

Ножей, отчаянно пытаясь понять, как
ему

оставить нежеланное знание и
невредимый сосуд с железами в
жилище хозяина, прежде

чем туда доберется кто-то еще.
Новость была немаленькая.

Размыкание нарушит

хрупкий мир, город скатится в
анархию, все преграды начнут
сдвигаться, и целые ярусы

могут оказаться затоплены. Оно
может оказаться даже настолько
сильным, что погибнет

весь город. От такой перспективы
желудок тошнотворно скрутило. Все в

Комторре

знали, что живут на краю бездны, но
предпочитали это игнорировать
весьма

решительным образом. Стреметь же
фактам в лицо было довольно
неуютно.

Ксагор недолго тешил себя мыслью о

том, чтобы сбежать, исходя из предположения, что

уже слишком поздно, однако он всегда гордился прагматичным взглядом на жизнь.

Единственная вещь, по поводу которой могли согласиться все нетленчивые нравом

комторрские хозяева, это то, что беглецов следят наказывать особенно изощренно,

чтобы показать пример остальным.

В обществе, которое проводило бесчисленные

тысячелетия, возбуждая причинение боли и мучений в ранг высокого искусства, это

означало вещи, куда более страшные, чем относительно мягкие приступы скабрезного

юмора, которыми страдал мастер Беллатонис. Ксагору пришлось с неохотой

согласиться, что такой подход был

эффективен.

Нем, правильно будет подчиниться
своему первому инстинктивному
желанию и

поспешить назад, чтобы встретить
последствия лицом к лицу. Если же он
опоздал, ну

что ж, хозяин иногда бывает почти...
снисходительным, когда дело
касается наказаний --

если он сочтет, что ты старался,
как мог. Возможно, хозяин даже
наградит его.

Оптимизм также являлся предметом
гордости Ксагора. К сожалению,
тысль о

Размыкании подвергала эту черту
нелегкому испытанию. Такие события
случались и

раньше, но не при жизни Ксагора, и
ему казалась чудовищной сама идея
того, что нечто

настолько постоянное, как город,
начнет меняться, ярусы станут

двигаться и
вращаться, будто в каком-то
огромном планетарии. Хозяин
наверняка знает, что
делать.

К несчастью, в шестидесяти шагах
впереди улица Ножей разветвлялась
на три

расходящиеся в стороны закоулка. А
они, в свою очередь, быстро утопали в
лабиринте

ходов под рабскими фабрикатами, точно
ручьи, впадающие в болото.
Относительная

безопасность, обеспечиваемая
инкубами, здесь заканчивалась. Войти
в подземный

лабиринт в одиночку значило без слов
признать, что ты устал от жизни и
надеешься

вскоре от нее избавиться. Скрытные
тандрагоры, которые там обитали,
прилежнейшим

образом взялись бы за эту работу,

довольствуюсь скучной наградой в виде
предсмертного
вопля.

Ничего не оставалось, кроме как
пройти Короткой Лестницей до
канала и рискнуть
добраться до Берилловых Врат. Если
повезет, на него просто не обратят
внимания, но
эпикурейцы всегда были такими
непредсказуемыми...

Кхарбир крадучись двигался вслед за
прислужником, не замечавшим его.
Сколы
сквозь тени, он чувствовал подъем
духа, от которого едва не кружилась
голова.

Приходилось бороться с желанием
броситься вперед и вогнать клинок
тежду лопаток
ничего не подозревающего глупца.
Мертвцы покачивались над ним на
цепях и
одобряющее ухмылялись зияющими

ртами. «Иди сюда, к нам, — как будто говорили они, —

ты тоже не справились со своей страстью к убийствам. У нас всегда есть место для новичка».

Кхарбир сглотнул и попытался сконцентрироваться. Инструкции, которые он получил, касались только посылки. Нет ничего постыдного в том, чтобы проследить за несущей ее

целью, наблюдая и подслушивая. Беллатонисом интересовались многие, и им хотелось бы узнать, где ходят и что делают его тиньоны. Возможно, будет какая-нибудь встреча или обмен, о которой он потом сможет доложить.

И все же какую-то часть Кхарбира раздражало столь скучное задание. Может быть, слуга имеет при себе что-то важное, так

что убийство в любом случае окунется. Или же можно заставить его поведать что-нибудь полезное, прежде чем он умрет. К сожалению, пытки, которые Кхарбир мог бы учинить на службой гемүнкүла в каком-нибудь переулке, без

всякого сомнения вызовут у того лишь страх -- но вот если его похитить...

Кхарбир настолько глубоко погрузился в раздумья, что лишь через мгновение осознал,

что слуга пропал из виду. Его мгновенно захлестнула паника, граничащая с иррациональным гневом. Дурак! Бей, когда можешь -- никогда не медли!

Ксагор скакками понесся вниз по изящным ступеням Короткой Лестницы, будто козел по горному склону, изо всех сил прижимая к себе сосуд и перетахивая через три ступени

за раз. За секунду до того, как он повернулся сюда, у него возникло неприятное чувство,

что кто-то действитель но следует за ним, и на сей раз это говорила не его хорошо

развитая паранойя. Лестница предостав ляла неплохую возможность оторваться от

каких-либо хвостов, если только ему удастся не свернуть себе шею.

Короткая Лестница петляла между воротами, ведущими в городские ярусы Хи'кран и

Мемзух, извиваясь причудливыми завитками из камня, метала и стекла, которые в

нескольких местах выдавались на гладкой, темной шелковой поверхностью Великого

Канала Мемзух. От нее беспорядочно отвечались другие ступеньки, винтовые

лестницы и площадки, подчиняясь

собственной непостижимой логике.

Она называлась

Короткой Лестницей, так как соединяла лишь два яруса, в то время как Длинная

Лестница за владениями Хи'крана пересекала полдюжины. Ксагор как-то слышал байку,

будто Короткая Лестница образует слово или сообщение, которое видно издали, но,

похоже, никто не мог точно сказать, что там написано.

Ксагору вскоре пришлось заметить шаг. Здесь было полно открытых площадок, где

Короткая Лестница просто обрывалась в воздухе, открывая погрязающий вид на

Великий Канал и дрейфующие по нему прогулочные барки. Куда ближе на канал могли

постмотреть те, кому не удалось вовремя заметить эти внезапные

обрывы. Однако были

и свои плюсы — народу здесь было больше, и это было именно то, что в чём он сейчас

нуждался. Он сбавил скорость, пробираясь среди них и пытаясь не думать, что случится

с Короткой Лестницей во время Размыкания, когда ярусы начнут двигаться.

Он оказался среди рабов и ценных слуг, таких как он сам, которые спешили по

поручениям своих хозяев или хозяек. Но были тут и высокородные, которые прогуливались по одному или в группах. То и дело пересекающиеся потоки рабов и слуг

обходили аристократов с другой стороны, будто вода, обтекающая камни, старательно держась

на расстоянии, большем расстояния удара. Ксагор стенил направление, двинувшись к

двум крупным группам высокородных, которые поднимались по лестнице.

Наплевав на осторожность, Кхарбир побежал по улице Ножей, ища взглядом слугу

Беллатониса. К тому времени, как он добрался до ступеней, два инкунаба смотрели на него

уже с явной заинтересованностью. Он ринулся на лестницу и тут же притормозил, с

презрением глядя на открывающиеся взору отвратительные толпы. Тощие полуголые рабы

бегали вверх и вниз, будто крысы.

Он видел прислужника, направляющегося к горстке воинов, отмеченных знаками Алой

Границ. Кхарбиру снова пришлось пуститься бегом, будучи в ярости оттого, что этот

глупый, не способный заметить погоню кусок отходов создает столько проблем. Ему

пришлось пережить пренеприятное унижение, когда он пробежал тито каких-то

аристократов, и они обменялись едкими замечаниями у него за спиной. На их месте он

бы сделал то же самое, но позволить колкостям оставаться без ответа -- это было почти

невыносимо. Кхарбир зарубил какого-то особо тупоумного раба, который недостаточно

быстро убрался с дороги, и почувствовал себя немногого лучше.

Отвратительное создание

гемүнкүл а утром за это, будь оно слугой Беллатониса или нет. О последствиях он может побеспокоиться позже.

После канала было темно -- настолько темно, что Ксагор пробрался по последнему завитку лестницы практически нащупь, в ужасе от мысли, что стоит

ему отступиться --

и он үронит сосуд. Ярко освещенные прогулочные барки, скользившие тихо, скорее

подчеркивали, чем рассеивали трак.

Великий Канал описывал широкую плавную петлю через ярус Мемзух, с одной стороны

отделенный преградой, с другой -- ограниченный дворцами архонта.

Предположительно,

канал некогда был заполнен чистым, ароматным наркотическим маслом, однако теперь

это была странная смесь снадобий, отходов, химикатов и выделений, не поддающихся

классификации. Один ее запах мог навлекать тощнейшие галлюцинации, а окунуться в

это вещество означало предаться безумию или забвению.

Набережная канала уже давно стала заповедной территорией высокородных

и из Мемзуха, наиболее преданных гедонизму и чувственности и избранных их в качестве основного развлечения -- эпикурейцев. Любой раб, достаточно глупый, чтобы спуститься сюда, в мгновение ока стал бы объектом охоты, да и прислужникам тут лучше было не тешкать.

Шикарные притоны и залы плоти
переполняли дно яруса и расположились
по широким
плитам набережной -- точно так же,
как их посетители. То там, то сям
от берегов канала
отходили доки и пирсы, где стояли
всевозможные вычурные транспортные
средства.

Ксагор знал, что за изгибом канала, невидимый отсюда, есть узкий мост, который пересекает преграду через Берилловые ворота. За ними

находились Вольеры

Маликсиана, которого некоторые
именовали Безумным. Благородный
архонт

Маликсиан был одним из наиболее
почетных клиентов Беллатониса, в
значительной

степени благодаря лабораторному
комплексу, который архонт подарил
гемункулү. Это

был знак подлинного признания,
учитывая, что в то же время многим
гемункулам

приходилось довольствоваться
чердаками и подвалами, какие только
удавалось

раздобыть, чтобы оборудовать там
мастерскую. Но Вольерам можно было
безопасно

добраться до самой Визжащей Башни,
где Беллатонис на данный момент
вел свои
работы.

Кхарбир остановился, давая проход

паре одетых в маски гуляк, прежде
чем слезть по
шпальерам вниз, в гостеприимную
теплую набережной. Он погрузился
еще глубже в
тени, озираясь в поисках своей цели.
Мрак подходил под его настроение. У
него было
дурное предчувствие, что он потерял
след. Если слуга собирался с кем-то
встретиться у
канала, сейчас он может быть в
любом салоне или притоне из добродушины
здесь
расположенных. Он мог даже сесть на
барку и оказаться вне досягаемости --
все равно,
как если бы отрастил крылья и
упорхнул.

Взвешивая варианты, Кхарбир
обдумывал то немногое, что ему было
известно.

Прислужник покинул Красный Дом с
чем-то, чего у него не было, когда он

пришел. Он

был один, и уходил в спешке.
Последние два факта не очень
сочетались с версией насчет

встречи. Он бы не торопился, если бы
планировал что-то заранее, и
Беллатонис едва ли

поручил бы слуге выполнять что-то
важное в одиночку. Наверное, в
Красном Доме

случилось нечто неожиданное, раз уж
прислужник поспешил прочь, не
дождавшись

сопровождения. Так куда же он в
действительности собирался?

Кхарбир воспрял духом,

когда к нему пришло понимание.

Слуга бежал прямиком к своему
хозяину.

Ксагор прижал сосуд к себе и зашагал
вперед, надеясь, что походка
выглядела

целеустремленной. С каждым шагом
от ладоней вверх по рукам

поднимались острые
иглы боли, но он только
приветствовал их. Те, кто желает
послужить боли, должны
сначала узнатъ, как переносить ее, а
затем -- как возлюбить ее. Так сказал
Беллатонис,

когда впервые пытал Ксагора.
Некоторые думают, что гемункул --
всего лишь тучитель,
но те, кто наделен призванием,
знают, что даже самый скромный из
них может
возвыситься и стать чем-то гораздо
большим.

На набережной царила почти полная
тишина. Пронзительные завывания и
вопли

доносились сверху, сильно
приглушенные клубами сладковатого
пара, поднимающегося
от канала. Ксагор уже проскользнул
тимо в двух устроивших дуэль
высокородных и менее

формальной драки между двумя группами кутил, поссорившихся из-за какого-то

реального или воображаемого оскорбления, но по стандартам района это считалось

затишьем. Вдали уже виднелся изогнутый высокой аркой мост к Берилловым воротам, однако отдельные группы эпикурейцев постепенно сливались в сплошную толпу.

Впереди показалась какая-то помеха, которая, похоже, становилась все ближе. Виднелся

шипастый металлический хребет, воззвышавшийся даже над самыми рослыми

аристократами, и он уверенно прокладывал путь через толпу в направлении Ксагора.

Кхарбир осторожно пробрался по краю канала, старательно стесиваясь с толпой.

Всякий раз, когда он наблюдал за
дерущимися эпикурейцами, он с
трудом удерживался

от презрительной ухмылки при виде
их ужимок. Сноровки у них было
столько же,

сколько у детьшек на пятый год
обучения -- показуха, рубилово без
такойшего намека на

грацию. Он был уверен, что легко
победит любого из них, и ему
отчаянно хотелось

испытать свои силы, но времени на
это не было. Ему надо было
пробраться по тосту и

попасть в ворота. Небольшая подачка
страже, и он узнает, прошел ли уже
слуга -- и если

не прошел, тогда Кхарбири
достаточно будет проскользнуть
внутрь и найти место для
засады.

Какая-то суетолока позади заставила
его развернуться и застыть на месте.

На набережную выпрыгала машина-убийца, ее украшенный драгоценностями нос двигался туда-сюда, точно торба зверя, ищущего след. Эпикурейцы отступали с неподобающей спешкой, видя, как приближается чудовищный агрегат. Кхарбир задумался, послали ли его высматривать кого-то определенного или же он сорвался с привязи, чтобы устроить резню по собственному соизволению. Эпикурейцы рассыпались в стороны, и только одна фигура оставалась неподвижной. С изумлением Кхарбир узнал в ней свою цель, прислужника гемүнкүла, который просто стоял, сжатая посылку, и пялился на усеянную клинками машину стерти, которая плавно двигалась к нему.

Ксагор распознал изготовителя этого
шипастого жала еще до того, как
увидел

великолепную машину целиком. Это
был «Талос» ковена Тринадцати --
превосходный

агрегат, который четыре тысячи
лет назад построил легендарный
гемункүл Блокарион

для увеселения архонта Йирдиира
Ксана. Устройство с шелестом
двигалось вперед на

невидимых гравитомоторах, очевидно,
выискивая нового клиента, чтобы
заточить в

филигранной костяной клетке.
Составчатые руки, похожие на лапы
насекомого,

поднялись по бокам и злобно
изогнулись, демонстрируя набор
клинов, пил, крюков и
зондов. Большая часть аристократов
осторожно убралась с пути машины,
не желая

привлекать ее внимание, которое
теперь было занято прислужником.

Ксагор же просто

стоял, завороженный ее
блестательной красотой.

Та подплыла ближе, явно
заинтригованная его неподвижностью.

Теоретически «Талос»

был не более чем тьюбильной пыточной
машиной, не обладающей разумом. Его
сознание,

его анима целиком исходила от
клиента, которого он принимал в себя
и содержал в

состоянии вечной агонии. Это был
полный симбиоз: «Талос» приобретал
чувства и

личность узника, том же получал
желание и возможность делиться
своим страданием с

теми, кого выбирал «Талос». Ксагор
видел, что нынешний клиент близок к
концу

путешествия, и задумался, как долго

том находился в плену. Сделанный на
совесть

«Салос» работал так же искусно, как
хирург. Машины же, построенные
Блокарионом,

как говорили, могли сохранять
узникам жизнь на протяжении веков.
Также, по слухам,

за тысячелетия, прошедшие после
кончины их создателя, они приобрели
что-то вроде

странных собственного сознания.

Теперь машина парила прямо перед
ним и как будто рассматривала его
терзающими

сенсорами. Узник, имевший довольно
жалкий вид, задвигался в клетке и
слабо

захныкал. Не задумываясь, Ксагор
медленно отнял одну руку от сосуда,
чтобы

протянуть ее вперед и погладить
изогнутый металлический нос
машины. Из ноздрей на

блестящей шкұре «Талоса» частично
выскользнули орудия и неуверенно
вернулись на

место, когда рука приблизилась.

Кхарбир проскользнул дальше, в гущу
толпы. Убравшись на безопасное
расстояние,

зрители принялись рассталикиваться
друг друга, стремясь посмотреть, как
пыточная

машина примется за работу. К их
несомненному разочарованию, но к
облегчению

Кхарбира, устройство пока не
принялось рвать этого телкого
идиома на мелкие кусочки.

Когда машина, наконец, раскачается,
он потеряет и цель, и посылку. Сейчас
«Талос» как

будто удивлялся тому, что у кого-то
хватают безрассудства стоять прямо
перед ним,

когда он на охоте, но это вряд ли
продлится еще немного.

Он тайком нашупал под поясом
флакон, содержащий фейрүн.
Обмазанный фейрүном

клинок заставлял даже неглубокие
порезы источать терзающую нервную
боль, от которой

отравленный впадал в о

всеобъемлющий ужас. Обычно он
использовал яд на тех, кто уже
был обездвижен, потому что жертвы,
как правило, пускались прочь, будто за-
ними

ткались гончие аса.

Удача не оставила его -- несколько
капель фейрүна еще оставалось.
Быстрым,

отточенным движением Кхарбир
щедро нанес яд на клинок, озираясь в
поисках

подходящей жертвы. Неподалеку
стояла молодая с виду женщина,
украшенная

пирсингом, матированная и
обнаженная под поясом. Кхарбир

неспешно прошел тимо и

быстро резанул по незащищенным ребрам, даже не сбив походку. Только в том момент он

понял, что эффект фейрұна могут полностью изменить все возможные смеси, уже

находящиеся в крови эпикүрейки.

Он услышал резкий вдох и негромкий крик, растворяясь в толпе, но это не был том

вопль, на который он возложил надежды отвлечь пыточную машину.

Но тум толпа

брьзнула в стороны -- машина поднялась выше и ринулась вперед за убегающей

девушкой. Его цель так и осталась стоять, тупо глядя, как улетает «Талос». Кхарбир

решил впереди не спускать с глупца глаз -- кто знает, какие еще он найдет способы

убитьсь, пока Кхарбир собирается

прикончить его в Вольерах?

Ксагор с сожалением смотрел «Талосу» вслед. Для почитателя боли -- такого, как он --

было невероятной честью подвергнуться пытке подобным устройством. Печально, но с точки зрения «Талоса» именно это и сделало Ксагора совершенно неподходящим узником.

Перебравшись через изогнутый мост и направившись к Берилловым воротам и

безопасности, ждущей за ними, Ксагор понял - что-то идет не так. В такой близи от ворот

уже ясно виднелась преграда, разделяющая Тетзух и Вольеры -- склоняющаяся, прозрачная

стена болезненных цветов, изгибающаяся во всех направлениях. За ней можно было

разглядеть высокие решетчатые пики крупнейших Вольеров, преграда

делала их

неясными, как будто они находились под водой. Ксагор покрутил сосуд между нюющими

ладонями и пошел дальше. Он был уже совсем близок и должен был продолжать путь;

единственный альтернативный маршрут к башне хозяина не стоило даже

рассматривать.

Дорога выглядела на редкость пустой, и это вселяло беспокойство. Погодя еще ближе к

воротам, он понял, что все, кто находится впереди, разворачиваются назад, и какая-то

часть его сознания начала отчаянно паниковать. После ворот стояла группа воинов

архонта Маликсана в полном боевом облакении и, насколько мог сказать Ксагор, не

пропускала никого. Он собрался было

спросить кого-нибудь из недопущенных,

что

происходит, но решил, это будет выглядеть подозрительно и рассердит воинов.

Последователи Маликсана часто разделяли неприязнь архонта к тому, что большая

часть котторритов обычно называла «здравомыслием».

Облизнув губы, Ксагор приблизился к воинам. Они не навели на него дула своих

зубчатых осколочных винтовок, и это был хороший знак. Правда, с пути они тоже не

сдвинулись, и это было не очень хорошо. Он почтительно остановился на расстоянии

нескольких шагов от них.

-- Я... -- только и успел произнести Ксагор, когда один из воинов тяжко оборвал его.

-- Проход закрыт.

-- Я по заданию хозяина, очень срочно, -- залебезил Ксагор с неприятным ощущением, что

вручает свою жизнь в руки воина.

-- Проход. Закрыт.

Сквозь глухой шлем невозможно было прочесть выражение лица солдата, но при этом он

поднял руку и изобразил пальцами галочку, подчеркивая значимость слов. Другие

воины, постеснявшись, нацелили на Ксагора осколковые винтовки.

-- Я служу мастеру Беллатонису! --
искривил том.

-- Так это ведь совершенно другое дело! Входите, конечно же, -- ответил воин с

обезоруживающей любезностью. Он отступил в сторону, зубчатые пасты винтовок опустились. Ксагор почесал ловушку.

-- Могу ли я поинтересоваться, что происходит, почему вы не пускаете

всех остальных? --

спросил Ксагор со всей вежливостью, на какую был способен. Совсем недавно архонт

Маликсиан и хозяин были не разлей вода, и он надеялся, что ничего пока не

изменилось.

-- Можете, разумеется, и если спросите, то я скажу, что вам не хотелось бы сейчас

находиться в Вольерах.

-- О нет.

-- О да.

-- Все идет прямо сейчас? Все только началось или, быть может, уже подходит к концу? --

Ксагор ухватился за соломинку надежды -- вдруг ей повезет, и они предоставят сопровождение.

-- Это исключено. Если на то пошло, то крови намечается много, и сейчас она должна уже

лились по полной.

-- Но мне нужно как можно быстрее добраться до башни хозяина! Уверяю, он вас

вознаградит!

-- Это. Исключено, -- воин снова изобразил галочку и глубокомысленно добавил. -- Если

уж вы так высоко оцениваете свои шансы пробраться через Вольеры пешком, то,

полагаю, Авиатрисе только в радость свежее мясо.

«Берилловые ворота» -- очень неподходящее название, подумал Кхарбир. На фоне тонн

серебристого металла, использованного при их

строительстве, перекрученные и покрытые орнаментом колонны, в честь которых были названы ворота, совершенно

терялись. Кхарбир приотстал, пока слуга разговаривал со стражниками

ворот. В конце

концов, они пропустили его, хоть
тот, судя по виду, пошел с неохотой.
Через несколько

секунд и сам Кхарбир направился к
воинам. Он взвесил свои шансы на
случай, если дело

войдем в драки. У них винтовки, и
это сыграет против них в ближнем
бою, но этого,

скорее всего, не хватит, чтобы
компенсировать преимущество в
численности и защите.

— Проход закрыт.

Встретившись с новой проблемой,
воины, казалось, вели себя
настороженно. Может, прислужник сказал им что-то, что
вызвало подозрения? Сообщил, что за-
нимают гоняется?

Кхарбир внезапно почувствовал себя,
как раб, обездвиженный перед
исследованием. Он
решил брать напором.

-- С дороги, у меня важные дела в
Вольерах, -- заявил он.

Воины посмотрели друг на друга,
наигранно удивляясь его дерзости.

Один из них

спросил:

-- С кем?

В голове Кхарбира заметались
варианты ответа. Он остановился на
самой простой лжи.

-- Я по поручению гемуника
Беллатониса, он нанял меня
защитить своего
прислужника.

Услышав это, воины обменялись
какими-то едва уловимыми жестами,
но Кхарбир не

понял, что это значило. Они отошли
в сторону, и один из них пригласил его
пройти в

ворота с изdevательским поклоном.

-- Тогда входите. Я уверен, вы вскоре
к нему присоединитесь, -- тон воина
намекал на то,

что их ожидала некая неотвратимая
и фатальная встреча. Кхарбир
скорчил кислую
мину. Видимо, шла охота.

Ксагор, дрожа, прятался за кустом и
прислушивался к ужасным крикам,
что

разносились между поднимавшихся со
всех сторон шпилей Вольеров.
Несколько

мгновений спустя он увидел силуэты
пары геллионов, рассекавших воздух
высоко над

головой. Да, шла охота, и, судя по
звукам, весьма оживленная.

Страсть архонта Маликсана
летающим тварям всякого рода вошла
в легенды, и он

считал нужным время от времени
попренировать своих питомцев. На
земли Вольеров

выпускали несколько десятков рабов и
позволяли им разбежаться, а затем
открывали

клетки, выпуская из них клыкастую, когтистую и ядовитую стерть во множестве

крылатых обличий. Кабал архонта пускался в полет вместе со своим повелителем,

чтобы насладиться болью и ужасом гибнущих рабов, ставших жертвами охоты. Они

также расправлялись с любой добычей, которая обманывала себя надеждой спрятаться,

или кто от безысходности давал отпор.

Ксагор тетнүлся в другой темный угол, который находился ближе к цели. Он пытался

перемещаться короткими перебежками.

Открытое

пространство вызывало у него мысли о том, что он -- то самое вкусное лакомство, за которым идет охота, да и руки уже

начинали уставать от тяжелого

сосуда. Переводя дух, он начал тревожиться, как бы ему не наткнуться на выпущенных рабов. Они тоже будут искать самые темные уголки, где можно спрятаться, а архонт Маликсан предпочитал использовать здоровых особей, чтобы его питомцы как следует потренировались. Нечеловеческий вопль прорезал темноту -- ближе, чем все крики, что он слышал до этого. Однако Ксагора больше забеспокоил какой-то шорох, донесшийся из кустов неподалеку. Несколько отчаявшихся рабов обычно не стоили беспокойства, но в данных обстоятельствах прислужник был очень уязвим. Он не мог защищаться, будучи обременен сосудом, а шум драки мог привлечь внимание куда более опасных врагов в

небесах. Кабалисты Таликсана, в которых сейчас ключом бьет жажда крови, вряд ли

узнают одинокого слугу Беллатониса, что уж говорить о зверях.

Ксагор собирался двинуться дальше, как вдруг раздалось хлопанье кожистых крыльев,

заставившее его замереть на месте.

Полюжины хищников со стреловидными головами

по спирали плавно поднимались из-за огромной, как дом, клетки с левой стороны. За

ними скользнул глиняный темный силуэт рейдерского корабля, на котором можно было

легко разглядеть экипаж, свесившийся с открытых бортов и осматривающий землю.

Кхарбир невольно вспомнил. Всякий раз, когда он уже готов был выпрыгнуть из укрытия и застать прислужника врасплох,

проклятый глупец сбежал прямо под носом. Снова

возникла идея взять слугу в плен, но она казалась ему все хуже и хуже. Если все так

пойдет дальше, то цель просто еще раз выскользнет из-под пальцев, и за все свои старания

он не получит ровным счетом ничего. И это еще учитывая, что им обоим удастся не

напастить на глаза зверушкам и приятелям Маликсиана.

Ответ дал отдаленный треск оружейного огня. Хотя клинок всегда приносил большее

удовлетворение, у Кхарбира имелся при себе стеклянный, элегантный осколковый

пистолет. Он пристрелит слугу и быстро обыщет тело. Посылка, которую том тащил,

тогда хоть как-то окупить все унижения, которые Кхарбир

премерпел в ходе погони. А
если и нет, то, по крайней мере,
тесть будет свершена и он выберется
отсюда, сохранив

хотя бы часть достоинства.

Он вытащил пистолет и прицелился
в прислужника. При таком расстоянии
и в

полутраке выстрел будет не из
легких. Слуга внезапно замер
нарисовался «Рейдер», и

Кхарбир выругался про себя. Экипаж
наверняка заметит вспышку
выстрела. Все, кто

находился на уровне земли, были их
добычей, а добыча, вооруженная
пистолетом, могла

запросто привлечь сюда весь кабал. С
долгим страдальческим вздохом он
взял в другую

руку нож и начал подкрадываться
поближе.

С резким свистом стая хищников
рванулась вниз. «Рейдер» устремился

за ними и вновь

исчез из виду, скрытый клетками. Зашештками засверкали вспышки, и тиг спустя до

Ксагора донесся отдаленный треск осколкового огня. Кажется, кто-то взвился за дело.

Он чути из кожи не выпрыгнул, когда в клетку прямо позади него угодил выстрел.

Слуга крътнулся на месте, от удивления едва не выронив сосуд. Не далее чем в

тридцати шагах стояла фигура в темном плаще, целясь из чего-то блестящего. Ксагор

побежал, спасая свою жизнь.

Пистолет прорешал ещедважды, тимо с визгом пролетел осколок -- достаточно близко,

чтобы ощутить, как он проходит рядом. Ксагор нырнул за угол для защиты от

нападающего, и в отчаянии огляделся.

Он заметил низкий постик между
двумя

гигантскими клетками и побежал
под него, в спасительные тени.

Ксагор пытался смотреть во все
стороны сразу, поэтому и споткнулся
о тело в устье

тоннеля. Сосуд вылетел из рук, будто
стазанный маслом, и покатился в
тёмноту.

Отчаянный крик Ксагора перешел в
вопль ужаса, когда вокруг поднялись
когтистые

силуэты и потянулись к нему из
теней. Последней его мыслию было
удивление —

мандрагоры оказались достаточно
храбры, чтобы самим охотиться в
Вольерах

Маликсана Безумного.

Кхарбир открыл огонь почти
рефлекторно, едва заслышав стрельбу
неподалеку, но

сказал себе, что стрельба навскидку

была оправдана тем, что ее
заглушили чужие
выстрелы. Какие-то темные силы
будто сговорились против него -- он
протащал, не
достав цель, и вместо этого только
выдал свое местонахождение.
Прислужник тупо
вытаращился и со всех ног побежал
прочь. Кхарбир тщательно
прицелился -- и в том
самый момент, как он нажал на спуск,
в него что-то врезалось сзади.
От удара он растянулся на земле, но
благодаря опыту, наработанному в
течение всей
жизни, тут же сжался в клубок и
вскочил за одно биение сердца. Он
скорее почувствовал,
чем увидел, что некто в темноте
затачивается снова. Нырнув под руку,
Кхарбир
выстрелил в егва различимый силуэт
перед собой. Враг изумленно хрюкнул

и

новалился, брызгая горячей кровью.
Тогда на Кхарбира набросился еще один противник. Он понял, что это были рабы,

голые, вооруженные только тем грубым оружием, какое смогли найти.

Внутри вскипело

презрение, и он вспыхнул от ярости при мысли, что эти существа имели дерзость

напасть на него. Он распорол второму рабу руку от запястья до локтя, и под воздействием фейруна уродливое существо взмыло, будто конечности окунули в

расплавленный металл. Кхарбир хладнокровно подсек рабу ноги, прежде чем тот успел

побежать прочь.

Мучения раба были слишком вкусны, и Кхарбир на тиг замедлился, чтобы воздать им

должное. Лицо твари фантастически

исказилось, и душа, чутъ дрожа, с
трудом покинула

тело. Кхарбир жадно выпил ее госухи
и забылся, позволив боли на несколько
драгоценных секунд затупить тоску.

Успокоившись, Кхарбир остался,
но не заметил ни следов своей цели,
ни

приближающихся охотников
Маликсиана. Он поспешил к углу, за
которым исчез

прислужник. Осторожно глянув туда,
он не увидел ничего, кроме очевидно
пустой

лужайки между нескольких громадных
клеток. Затем Кхарбир разглядел
темное

отверстие туннеля между двумя из
них -- именно то место, куда мог бы
направиться

удирающий идиот.

Еще не войдя до теней, он учуял
кровь, отчего туман же замедлился и
движнулся вперед с

большой осторожностью. В туннеле
двигались какие-то темные
очертания — нечто, что
выглядело, как черные силуэты на
фоне трака — мандрагоры. Одно
существо

склонилось над тем, что, без
сомнения, было телом слуги
гемункула; позади притаилось
еще больше таких тварей, и они
увидели Кхарбира в том же миг, как
он посмотрел на
них. Он нацелил пистолет и немедля
открыл огонь. Не говоря о том, что
мандрагоры
украли его добычу, они бы наверняка
попытались захватить и самого
Кхарбира на
десерт.

Выстрелы ушли во трак, не встретив
ничего материального. Однако они
заставили
одного из мандрагоров выйти на
открытое пространство, чтобы

бросить ей вызов.

Вперед выступила вымчата, почти невидимая фигура, чьи очертания как будто

терзали, а облик постоянно менялся.

Кхарбир кинулся на эту тварь с занесенным для

удара клинком. Если он ее одолеет, то остальные могут убраться подальше от добычи,

тогда он, по крайней мере, сможет обыскать тело слуги и забрать посылку.

Он мог бы с тем же успехом сражаться с вымтом. Каждый удар, который он наносил,

заканчивался тем, что противник просто оказывался в другом месте.

Атаки самого

мандрагора как будто приходили из ниоткуда, и всех навыков Кхарбира егвахватало,

чтобы отражать удары. При этом у него было неприятное ощущение, как

бұгдто с ним

играли -- чувство не из самых приятных. Он понял, что мандрагора постепенно оттесняет его к устью тоннеля, ведет туда, где в засаде ждут сородичи.

Их поединок внезапно прервал пронзительный вопль, и Кхарбир спас себе жизнь,

томентально бросившись в сторону. Бритвенно-острые лезвия пронеслись рядом на

расстоянии теньше ладони, и титан в своем пролете геллион. Кхарбир перекатом ушел

от второго геллиона, который спикировал на него и попытался зацепить крючковатой глефой. В отчаянии он выпалил в противника залп осколков, так что от брони геллиона

полетели искры. Один из крошечных снарядов нашел слабое место и пробил доспех.

Геллиона отбросило назад, скайборд врезался в землю на расстоянии нескольких широких шагов. Отчаянным прыжком Кхарбир подобрался к нему. Мандрагор уже исчез, но первый геллион закладывал вираж назад, чтобы атаковать снова. Остальной кабал Таликсиана, по-видимому, ненамного от него отставал.

Кхарбир закрепил ступни в фиксаторах скайборда и вознесся в воздух с воплем душевной тьмы на губах. Все пошло не так, все было потеряно, оставалось только надеяться, что он сможет сбежать живым. По крайней мере, никчемный прислужник сдох. Он мог хоть этим себя утешить.

Мандрагор склонился над грудью Ксагора, положив острый, как бритва,

кого-то тому на

горло. Слуге отчаянно хотелось сглотнуть, но он боялся это сделать.

Вокруг, в темноте,

двигались тени -- и внезапно мандрагор повалился прямо на него.

Ксагор был слишком

изумлен, чтобы отреагировать, не в состоянии поверить, что мандрагоры собрались

прямо здесь учинить над ним насилие. Мгновением позже раздался треск осколочных

выстрелов, что стутило его еще больше. Все, что он мог сделать, это закрыть глаза. До

слуха донеслись новые выстрелы и звон клинков.

Кажется, прошло немало времени, когда, наконец, тяжесть на груди исчезла, не

причинив какого-либо вреда. Ксагор осторожно открыл глаза. Неподалеку на кирточках

сидел тандрагор и глядел на него. Призываая к толчанию, существо приложило длинный палец туда, где у него должны были быть губы, и показало в устье тоннеля. Ксагор вытянул шею, чтобы посмотреть, и в сердце непрошеным гостем взыграла надежда. Там был силуэт в плаще, том самый, кто преследовал его по городу, он удирал на краденом скайборде. Воздух переполнял тонкий визг антигравитационных машин: кабал

Маликсана пустился в погоню. Ксагор был спасен.

Или нет? Конечно, тандрагоры могли подумать, что это только что сбежал телохранитель Ксагора, оставив его на их ласковое попечение. Они могли просто издеваться над ним в своей странной

толчаливой танере. Он оглянулся на тандрагора,

ища подсказки, но лицо цвета тени было непроницаемо. Появился второй тандрагор,

как будто сгустившись из темноты. Он что-то держал в вытянутой вперед руке, и Ксагор

невольно напрягся. С изумлением он осознал, что существо протягивает ему том самый сосуд.

Визжащая Башня никогда не казалась столь желанным убежищем. Ксагор вошел внутрь

так тихо, как только мог, чтобы не напревожить хозяина -- такой проступок был чреват

немалым риском. Высокая, тощая фигура Беллатониса согнулась над какими-то

консолями, из которых обильным потоком изливались провода, подсоединенные к трем

субъектом, прикованным к рамам для изучения. Беллатонис выпрямился и надавил на

кнопку. Все трое одновременно разразились модулированными воплями боли.

-- Что ты мне принес, Ксагор? Материалы из Красного Дома, я полагаю? -- сказал

Беллатонис, не оборачиваясь.

Он застал Ксагора врасплох, и том немного испугался. Хозяин любил разные

модификации и недавно имплантировал себе в лопатки дополнительные глаза с полнотью функционирующими зрительными нервами. «Так лучше наблюдать за

соперниками», -- сказал он. Идея того, что хозяин мог смотреть на него, даже

повернувшись спиной, отчего-то глубоко тревожила Ксагора.

-- У меня тут сосуд из Красного Дома, хозяин, -- сообщил Ксагор, -- но еще я принес

новость чрезвычайной важности.

Это, определенно, привлекло внимание мастера. Он повернулся, демонстрируя Ксагору

крючковатый нос и острый подбородок, и том почувствовал себя так, словно вернулся в

Вольеры, где на него смотрели, как на лакомство для какого-нибудь питомца

Маликсиана.

-- Мне судить о ее важности, Ксагор, и если она действительно важна, то лучше бы тебе

было не тегдить по дороге обратно, -- тон Беллатониса был шутливым, но жестокий

огонек в глазах говорил нечто иное.

-- Размыкание, хозяин. Матсилвер в Красном Доме болтаем со всеми клиентами, он

сказал мне, что старухи предсказали
Размыкание, которое наступит в
городе. Скоро! --

поспешно договорил Ксагор.

-- Размыкание, гм? О, как интересно.
Эти прелестные старушки прочли
судьбы и

увидели, что нашей маленькой
обители проклятых пришло время
встряхнуться. Должно

быть, уже по всему городу разошлось,
последнее проозвучало довольно резко;
Ксагор

подумал, многое ли уже известно
Беллатонису.

-- Я сразу отправился обратно, хозяин!
Я даже не дождался охраны. Меня
преследовали,

там был «Талос» и о-охота... -- ушам
Ксагора, которым вскоре предстояла
тодификация,

это казалось чередой все более
нелепых извинений.

-- Да, да, -- Беллатонис только

отмахнулся. -- Но сейчас ты здесь, так что, полагаю, мандрагоры, которых я послал тебе искать, сделали свое дело.

Ксагор вытаращился в изумлении. Он никогда не слышал, чтоб хозяин говорил о том,

что на него работали мандрагоры. Беллатонис элегантным движением взял сосуд из онемевших рук прислужника.

-- Не надо так удивляться. Я знал, что в Вольерах шла охота, и что ты, скорее всего,

пошел бы через них, отчаянно желая поведать мне эту «новость».

-- Вы уже знали, хозяин? -- на Ксагора обрушилась давящая тяжесть, а Беллатонис все

тедлил, растягивая момент. Гемүнкүл наконец ответил, леденящий улыбнувшись.

-- Лишь подозревал, твой верный слуга. Некоторые фракции занялись

приготовлениями,

и было весьма вероятно, что ты что-то об этом узнаешь в Красном Доме.

Хорошая

работа; это очень важная новость.

Размыкание до неизвестности изменит все старые

союзы и соперничества -- что давно пора было сделать. Я изрядно пожил, и видел только

три таких события -- и все они приводили к очень интересным временам, помяни свое

слово, -- продолжал Беллатонис, распечатывая сосуд. -- Да, Ксагор, ты хорошо поработал,

так своевременно доставив мне эти известия. Я полагаю, что ты заслужил награду.

Возможно, добавочную шишковидную железу?

Беллатонис запустил длиннопалую руку в сосуд, но то, что он оттуда вытащил,

показалось Ксагору подозрительно похожим на токрүю съежившуюся голову. Гемүнкүл

поднял ее за змееподобные черные локоны и, юкнүв языком, промер лице существа от слизи.

-- Хозяин, я не понимаю.

-- Позвольте представить вас друг другу. Ксагор, это Анжевер, Анжевер, это Ксагор.

Беллатонис поднял голову, демонстрируя ее Ксагору. Лицо было съежившееся и

торщинистое. Глаза и губы защищены грубыми швами, но Ксагор видел, что они все еще

двигаются, и лицо искажается.

-- Старуха Анжевер, -- проговорил Беллатонис, подсодиняя голову к одной из консолей,

за которыми он работал, когда пришел Ксагор. -- Теперь иди-ка сюда. Когда я кивну,

повернешь этот диск на пол оборота
направо, а потом обратно.

Сердце Ксагора наполнилось
гордостью. Его попросили
ассистировать! Только он и
хозяин, они работают вместе, как
старые друзья. Другие слуги просто
пылать будут от

зависти. Беллатонис вонзил
последнюю иголку в обрубок шеи
Анжевер и кивнул

Ксагору, который азартно крутанул
диск. Из трех глоток снова вырвался
тройной

вопль -- на сей раз занятным образом
стеснившись, как будто они кричали
на один

голос. Когда Ксагор вернул диск в
первоначальное положение, они,
наконец, заговорили.

-- Что ты сделал со мной? -- сказали
они хором.

-- Сделал тебя своей гостью, мерзкое
старое чудовище, -- хохотнул

Беллатонис, излучая
удовлетворение. -- Будешь гостить
все Размыкание, по теньшей мере, а
может и дольше,
если будешь плохо себя вести. Мы
можем чудесно скромотать время с
этими третя
свежими субъектами, к которым я
тебя подключил.

Кивок Беллатониса был почти
незамечен, но Ксагор буквально
внимывал в себя каждый
момент и уловил жест. Он
старатально крутанул диск и был
вознагражден еще одним
хоровым воплем и легкой улыбкой
хозяина.

-- Что тебе нужно? -- просипели три
голоса.

-- А, верный вопрос -- нет ничего
ценнее в какой бы то ни было
дискуссии. В свое время
ты поговорим о будущем и о том, что
ты знаешь о нем, Анжевер.

-- Быдым последствия, -- сказали голоса.

-- Отчаянные времена -- отчаянныетеры, ведьма. И если я прав, они скороничего не

быдым значить, -- ответил Беллатонис тоном, который давал понять, что разговор окончен. Он повернулся к прислужнику с лицом, выражавшим совершенно искреннюю озабоченность.

-- Бедный Ксагор, ты выглядишь усталым. Там в вестибюле теня ждет один паренек,

пригласи его зайти, а потом отправляйся прямо в свои покои. Тебе надо отдохнуть --

скоро у нас появится очень много дел.

-- Они оторвали мне лицо! -- закричал толодой мужчина.

-- Ах, оторвали? Вон так-так. Я должен на это взглянуть, -- сказал Беллатонис. --

Присаживайся.

-- Проклятье, ты обязан все исправить! Я занимался твоим делом, и требую хоть какой-то компенсации за весь этот фарс.

-- Разумеется, это ранение значит, что птицы оказались умнее тебя, так ведь? -- заметил

Беллатонис, вынимая из кюветы нечто длиное и острое. -- А то им делом, если не изменяет память, было получение посылки, которая добралась сюда без твоей драгоценной помощи -- ну и «Талоса», разумеется.

-- Я...

-- Притихни, Кхарбир, и давай-ка посмотрим, что ты можешь сделать с твоим лицом.

•••